

М. НЕБОГАТОВ

На берегах
Томи

48201

Защита

М. НЕБОГАТОВ

НА БЕРЕГАХ ТОМИ

Комитет по делам
культурно-просветительных
ПОЭМА учреждений
СТИХИ при Совете Министров
РСФСР

И. И. РОВСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУЗБАССЭИИ“
Кемерово—1953

195 г.
№ 10234
гор. Кемерово

ПОД ЗНАМЕНЕМ ПАРТИИ

Далеко от Москвы до Кузбасса.
Но давно пролегла из нее
Величавая светлая трасса
В каждый дом и в любое жилье.

Мы сердцами сроднились с Москвою.
Нет на свете надежней родства!
Лучшим счастьем, заветной судьбою
Стала нынче для мира Москва.

Все простые и честные люди
На Москву устремляют свой взгляд.
Только мать так восторженно любят,
Только матерью так дорожат.

С ней мы вечно бессмертны и юны.
Пусть же помнит заморский магнат,
Как с московской высокой трибуны
Коммунисты сейчас говорят!

Были дни — мы с врагами сражались,
Шли за правду одни, без друзей.

Были дни — господа усмехались,
Слыша голос советских людей.

Нет, сейчас господам не до смеха.
Голос, слышанный ими не раз,
Как могучее, грозное эхо,
Раздается повсюду сейчас.

Пролетает он вестником мира
Надо всей необъятной землей.
И напрасно мечтают банкиры
Заглушить этот голос живой.

Мир — за нас. Что ни день — мы сильнее.
Крепнет сила «Ударных бригад»:
От карпатских высот до Кореи
Встал защитников мира отряд.

Сколько братьев из каждого края,
Изо всех уголочков земли
Нашей партии правда святая
Собрала под знамена свои.

Не одни мы. У нас повсеместно
Миллионы надежных друзей.
А с друзьями — любому известно —
И работать и жить веселей.

Льется солнечный свет с небосклона.
Путь-дорога вперед широка:
В коммунизм нас ведет неуклонно
Наш испытанный мудрый ЦК.

1952

* * *

Любуясь яркою раскраской,
Рисует осень свой пейзаж.
Октябрь. А солнце с вешней лаской
Глядит на край кузнецкий наш.

На скромный листик календарный
Живыми бликами легло —
И стало датой лучезарной
Простое пятое число.

Все на виду, как на ладони:
Леса, озера, города...
Октябрь. А солнце в каждом доме.
Струится в окна, как всегда...

Вот так — в любое время года,
В любом краю и в час любой —
Не гаснет свет в душе народа,
Свет нашей партии родной.

1952

В родной
селе

ПОЭМА

1

У Матрены Петровой
Нынче праздник большой:
К ней из города в гости
Сын приехал старшой.
Не пылил сапогами,
Не шагал по тропе—
На своей на машине
Подкатил он к избе!
Черным лаком покрыта,
Так и светится вся,
Остроглазые фары
На прохожих кося...
Вел расспрос у Егора
Николай — младший брат:
— Все в забое?
— В забое.
— Рядовой?
— Как солдат!

В новой форме шахтерской,
С виду — вроде моряк,
Гость дымил папироской,
Отвечал — что и как.
...Любовалась сынами
Хлопотливая мать:
Всем в отца. У обоих
Молодецкая стать.
Ясноглазы и русы.
Встанут в ряд — как один.
Только тот, что безусый,
Тот с «характером» сын —
Своевольный, упрямый,
С беспокойной душой...
В сердце матери старой
Нынче праздник большой.
Наглядеться не может,
Как в былые года,
На желанного гостя —
На Героя Труда.
А давно ль пленала,
Умывала его...
Поджидала из школы
У крыльца своего...
Все боялась, что мальчик
Может в жизни пойти
Без отцовского глаза
По плохому пути.
Да явилась родная,
Справедливая власть,

Подала ему руку,
Чтоб не мог он упасть,
В люди вывела сына!..
Кем же будет второй?
День и ночь он мечтает:
Дескать, мне бы в забой...
«Вот какой он, Егор-то, —
Думал парень меж тем, —
И звезда, и медали,
А простецкий совсем».
И светилась улыбка
На лице паренька.
Под бровями сверкали
Два живых огонька.
В нем все ярче и ярче
Разгорались мечты,
Словно в дальние дали
Он взглянул с высоты...

Пришли соседи. Председатель
Колхоза здешнего — Носков —
С порога крикнул:
— Ну, приятель,
Нажись, кажись!.. Смотри, каков! —
С лицом открытым, загорелым,
Носков был строг, подтянут, прям.
— А я-то думал грешным делом:
Уж не видать Егора нам.
Дай обниму тебя хоть, что ли...

Расселись гости где кто мог.
Приятен свежий запах поля,
Душист махорочный дымок!
Смотрел Егор на всех с любовью —
На земляков, друзей своих.
Спокойной силой и здоровьем,
Как прежде, веяло от них.
На что уж стар Савелий, сторож,
И у того в глазах огонь.
Коль слово взял — не переспоришь,
А под хмельком — тащи гармони!
Вот и сейчас с другими вместе
Одетый празднично пришел.
Усы расправив честь по чести,
«Зубровку» выставил на стол.
Сел — молчаливый и серьезный,
Как будто совершил обряд.
— А кто ж на пост? — парторг колхозный»
Спросил, на водку бросив взгляд.
— Не беспокойтесь. Я старуху
Определил туда с полдня.
Она не то что вора — муху
Убьет со злости на меня. —
Савелий крякнул. Дружным смехом
Ему ответили. А он:
— Толкую ей: «Шахтер приехал!
И у него я быть должен».
Взяла ружье. Патронов пару.
Да говорит: «Неровен час,
Не вздумай шляться у амбаров,
Бабахну раз — и весь мой сказ!»

Вот... подвернись... Судите сами. —
И снова шутки, смех в ответ.
Весь дом наполнен голосами...
Погас в полях закатный свет...
Хлопочут братья, составляя
Скамейки, стулья, два стола.
Их мать, от радости немая,
В графины пиво разлила.
Подкралась ночь за разговором.
На окнах — блики синевы.
— Ну, как живется там шахтерам?
Дела, успехи каковы? —
Звеня стаканы шли по кругу,
Все громче, жарче разговор.
Про все поведали друг другу
В ту ночь сельчане и шахтер.
— Понятно, братцы, из доклада, —
Савелий сделал вывод свой, —
Дела у нас идут как надо
И на земле, и под землей.
Теперь у нас задача с вами —
Мир отстоять для всех людей.
А как и чем — судите сами.
Вы помоложе. Вам видней. —
— И отстоим! Но не словами, —
Сказал парторг. — Трудом своим.
Ведь все простые люди с нами.
А это сила... Отстоим!
...Никто не знал, какою думой
Петров меньшей встревожен был.
Он, безучастный и угрюмый,

О всех, казалось, позабыл.
Сидел, в пустой стакан уставясь.
И лишь порой не то укор,
Не то восторженную зависть
В его глазах ловил Егор.

* * *

...Вставал рассвет молочно-сиз,
Когда соседи разошлись.
Егор с цыгарки пепел сдул,
К братишке свой придвинул стул,
Спросил (так сердце подсказало):
— Шахтером, значит, хочешь стать?
— Шахтером, да!

— Ну что ж, пожалуй,
Мечта характеру подстать.
Мне лишь одно неясно что-то —
Душе и здесь большой простор —
Работа есть везде работа,
Будь ты колхозник, будь шахтер.
Сейчас про всех слагают песни.
Любому слава и почет...
— А где трудней, там интересней.
И это надо брать в расчет.
В углу Матрена завздыхала.
(«И ты из дому, Николай?»)
Но, пересилив грусть, сказала:
— Колхоз отпустит — поезжай.
Настало в комнате молчанье.
Стучали ходики в тиши.
— Смотри, обдумай все заране,—

Егор заметил, — не спеши.
Скажи мне, отчего бы это,—
Он, помолчав, спросил в упор—
Без комсомольского билета
Ты, братец, ходишь до сих пор?
И Николай, виски до боли
Сжав кулаками,

произнес:

— Я думал сам о комсомоле.
И рад бы я. Да не дорос...
— Ишь «недорос я». Скажет тоже! —
Егор сердито брови свел.—
Так ведь расти тебе поможет
Всего вернее комсомол.—
Егор насупил сурово.
В ответ — ни слова Николай.
А мать, смирясь, вздохнула снова:
— Я не перечу — поезжай.

3

Проводили Егора.
Осень.... Дождик с утра.
Скошен хлеб — и в дорогу
Николаю пора.
— Может, там и найдешь ты
В жизни место свое,—
Говорила старушка,
Собирая бельё.—
Да равняйся на брата,
Будь поближе к нему.

Он добра тебе хочет,
Учит делу, уму.
Где всердцах и обидит —
Помолчи, не беда.
Он подальше нас видит,
Не на день, на года.
По-партийному, зорко
Он на жизнь-то глядит.
Может, рядом с Егоркой
Станешь сам знаменит.
— Ладно, мама...
— Ну, с богом,
Путь счастливый, сынок. —
Перед тем, как покинуть
Свой родимый порог,
Зная русский обычай,
Оказал ему честь:
Не забыл на скамейку
Вместе с матерью сесть.
Закурил. На прощанье
Огляделся вокруг.
И таким ненаглядным
Все представилось вдруг,
Так в душе защемило
От всего, что до слез
Было дорого, мило —
Все бы взял и унес!..
Помолчали и встали.
Сын взглянул на часы.
А с портрета сам Сталин
Улыбался в усы.

Земля

Будто знал он все мысли,
Все, чем жил Николай.
Будто, в путь провожая,
Ободрял: не плошай!
Будто сам Николая
Отправлял из села
На дела трудовые,
На большие дела.

4

Распахнулись гулкие просторы.
Вьется-тает дыма полоса.
И бегут назад леса да горы.
Слева, справа — горы да леса!
В тихом, полудремлющем вагоне
Отмеряет версты Николай.
В первый раз, как будто на ладони,
Перед ним — родной кузнецкий край.
По привычке хмурясь, из-под чуба
Неотрывно смотрит он в окно.
Все ему и дорого и любо,
Все кругом величия полно.
Смотрит, примостясь на жесткой полке,
Как плывут — качаются вдали
Трубами дымящие поселки,
Что в безбрежном море корабли.
Перегон — и снова перемены:
Новый мост повис над ширью вод.
Возле бора — каменные стены.
По всему — здесь строится завод.

...Грохот, лязг — и дымная завеса
Заслонила дальний небосклон:
Вылетев навстречу из-за леса,
Промелькнул товарный эшелон.
А вагон качается, как зыбка,
В хороводе сосен и осин.
Вдруг неожиданно робкою улыбкой
В хмуром небе выглянула синь.
И тотчас лучи мигнули косо,
Засветились капли на стекле.
...Не стучат—

поют, поют колеса
На привольной утренней земле!

5

Бор над самой рекой,
Строй деревьев сосновых.
Чуть в сторонке — рудник.
Россыпь домиков новых.
Что за сопки вдали
Поднимаются круто?
И постройка среди них—
Элеватор как будто.
Может, шахта сама?
Может, уголь — те сопки?
С чемоданом в руке
Постоял он на тропке.
И представил на миг:
Уголь мчится лавиной...
И не кто-нибудь — он
Управляет машиной!

А над ним, наверху,
По сверкающей стали
Эшелоны с углем
Разбегаются в дали...
Так свой завтрашний день—
Путь далекий без края—
Увидал Николай,
В жизнь новую вступаю.

6

Листвой, снежком октябрь сырой
Замел у школы стежку.
С утра веселый снежный рой
Летит, летит к окошку.
Давно ль черемуха цвела,
Звенел родник в овраге.
Опять земля белым-бела,
Как чистый лист бумаги...
И как свой дом не вспомнить тут
Хотя бы на минутку...
На дровни станешь, вскинешь кнут—
И в лес по первопутку.
Сбегутся кедры в тесный круг.
Возьмешь топор. А ну-ка!
Проснется эхо: тюк да тюк.
И снова — тишь. Ни звука...
Когда же в шахту? Что к чему—
Взглянуть одним бы глазом,
Чтоб стало ясно самому,

Не только по рассказам.
Свое желанье Николай
Поведал как-то брату.
А тот:

— Обсудим-ка давай,
Что надо знать солдату.
Вот, скажем, он собрался в бой.
— Ну, пулемет, винтовку.
— А если ты не в бой — в забой?
— Шахтерскую сноровку.
— Не все.
— Отбойный молоток!
— А если он откажет?
— Тогда какой-нибудь знаток
Поможет мне, подскажет. —
Свой чуб волнистый беребя,
Егор молчал с минуту.
— Выходит, дядя за тебя
Стрелял бы там, в бою-то?
— То молоток, а то ружье...
— А я скажу иное:
Твой молоток — ружье твое,
Когда ты с ним в забое.
Запомни раз и навсегда
Хотя б одно вначале:
Давно прошли те дни, когда
Мы уголь силой брали.
Гордишься ей — коли дрова
А механизм — загадка.
Нужна тут, Коля, голова,
А не медвежья хватка.

И вот совет мой от души:
Смири горячий норов.
Учись! И в шахту не спеши,
Чтоб не смешить шахтеров. —
А Николай совсем поник.
Сиди, мол, тут без дела.
Ведь там, в колхозе, он привык,
Чтоб все в руках кипело.
Воспоминания свежи.
Толпятся снежным роем...
— Ну, ты хоть шахту покажи.
— А это мы устроим.

7

На рассвете Николай
Поднял брат — он рано встал.
Паренек, в ладонь зевая,
Буркнул:

— Сам бы не проспал...
...Вот и шахта. Двор. Постройки.
В черной копоти забор.
Николай к стволу из мойки
Шел — ни дать, ни взять — шахтер.
Как и брат, в спецовке, в каске.
Не узнать — совсем другой.
Шел, а сам не без опаски
Думал: «Как там — под землей?»
Не заметил, как с толпою
Оказался у ствола.
Чуть отстал... Махнул рукою,
Эх, была, мол, ни была!

С сердцем, бьющимся тревожно,
Под людской неясный гул
На пол клетки осторожно,
Как на хрупкий лед, шагнул.
Смех и говор. Кто-то басом:
— Из деревни? Молодцом!
А другой:

— Перед Кузбассом
Не ударишь в грязь лицом?
«Лишь не выдать бы испуга»,—
Он подумал. Тут как раз
Клеть чуть дрогнула упруго
И, как в пропасть, понеслась.
После радостного вдоха
Понял: не к чему тужить.
«Э, да тут совсем не плохо.
Пообвыкнешь — можно жить».
...Вагонеток стук ритмичный.

Лампы — звезды. Топот ног.
И почти земной, обычный
Вездесущий ветерок.
Брат сказал лукаво:

— Колька!—
(Хлопнул парня по плечу)

— Перетрусил, а?

— Нисколько!

— Хочешь с нами жить?

— Хочу.

— Коли так, то будь как дома
И шагай за мной пока.

...Непривычно, незнакомо
Все вокруг для новичка.
Загремев у поворота —
Не поймешь тут ничего!—
Ослепительное что-то
Надвигалось на него.
Вроде не было мороза—
Стало холодно спине.
Сторонясь электровоза,
Николай прильнул к стене...
Рельсы вдаль бегут, сверкая
Под цепочкою огней.
На душе у Николая
Все просторней, все светлей.
Сели в поезд. Отдыхая,
Брат прищурился хитро:
— Как дорожка?

— Неплохая.
— То-то! Прямо как в метро.
...Поезд стал. И оживленно
Говоря между собой,
Тротуаром от перрона
Зашагали все гурьбой.
Шли с беспечностью такою,
Будто им и невдомек,
Что сверху над головою
Многотонный потолок.
Им-то что! А с непривычки
Так и ждешь: вот-вот обвал.
Хрустнут стойки, словно спички,
И тогда — пиши пропал...

Но звучат под темным сводом
Голоса. Спокоен путь.
Разве с таким народом
Пропадешь ты где-нибудь!
Просто все. Как утром ранним:
Ни чудес вокруг, ни тайн.
— Ну-ка, — молвил брат, — заглянем
Как орудует комбайн.
...Здесь уж ахнуть есть причина
В первый раз, со стороны:
Режет мощная машина
Толщу каменной стены.
Будто так, забавы ради,
За рулем — один шахтер.
А другой — немного сзади,
Там, где лента-транспортёр.
Грохоча, за камнем камень
Вниз летит. Сплошной поток.
И тотчас же черпаками
Та машина, как руками,
Их бросает на лоток.
Поглядишь — и сердце радо.
До чего ж умна, сильна!
Не пройдет за день бригада,
Что она пройдет одна...
Дальше в лаве — тихо, глухо,
Только капель звон. И вдруг
Робкий звук дошел до слуха.
С давних пор знакомый звук!
Тюк да тюк. Все чаще, чаще.
Будто ждали до поры —

И внезапно где-то в чаще
Застучали топоры.
Стук все ближе. В тусклом свете
В стороне — уступ, другой.
— А теперь, — Егор заметил, —
Завернем и в мой забой.
— Новичок?
И сменщик брата
Подошел. Качнулась тень.
— Прибывают к нам ребята.
Ну, здорово!
— Добрый день!..
Чернолицый и усталый,
Он счастливо руки тер:
— День-то добрый впрямь, пожалуй,
Нормы две я дал, Егор!
— Так, — ответил тот с улыбкой, —
Скоро будешь впереди.
Уморился?
— Нет, не шибко.
— Ну, иди домой. Иди...
Брат спокойно, деловито
Пыль с шахтерки молча сбил.
Как по комнате обжитой,
По забую он ходил.
Наклонясь, соединяя
Шланг с отбойным молотком,
Думал он про Николая:
«Станет, нет ли горняком?»
Станет! Было бы желанье.
И настойчив, и упрям».

Стоя рядом в ожиданьи,
Тот смотрел по сторонам.
Ощущал, как в сердце смутно
Чувство радости росло.
Здесь по-своему уютно...
Знай рубай. Тепло, светло.
А когда за глыбой глыба
Уголь вниз помчит рекой,
Скажет всяк тебе спасибо,
Молодец ты, мол, какой!
Черный камешек блестящий
На ладонь большую лег.
Вот он — уголь настоящий.
Наш, кузбасский, уголек!
Так же бережно когда-то
Мял он в пальцах чернозем...
Вспомнил дом... Взглянул на брата:
— Ну, начнем, Егор?
— Начнем.
На! Торжественно вручаю, —
И, как верный автомат,
Молоток свой Николаю
Протянул любовно брат.
— Покажи-ка нашу хватку.
Бей смелее. Начинай. —
Осторожно рукоятку
Сжал волнуясь Николай.
Промелькнула мысль: «Гляди-ка!
Немудрое ремесло».
Раз! И в пласт вонзилась пика.
Застучало, затрясло.

«Хорошо! Еще немного».
И еще налег на пласт.
А в душе уже тревога:
«Неужели, чорт, не сдаст?
Да чего ж тогда я стою!»
И нажав, что было сил,
Пику, бившую пыльюю,
До пружины вглубь вонзил.
— Стоп! — раздался рядом голос. —
Выключай!

И тихо вновь.
«Ни куска не откололось.
Ни куска!» — стучала кровь.
— М-да. Одной горячей вспышки
Мало. Дай-ка покажу. —
Поглядел в глаза братишке:
— Бей вот так, по клеваку.
Что-то высмотрел. И ровно
Вновь зацокал молоток.
...Глухо грохнулся на бревна
Черный угольный кусок.
С непокрытой головою,
От досады сам не свой,
Николай смотрел с тоскою,
Как работал брат-герой.
Забывая неудачу,
Он смотрел, смотрел, смотрел,
Точно главную задачу
В жизни всей решить хотел...

На-гора поднявшись, братья
 В предвечерней шли тиши.
 — Кое-что сумел понять я?
 — Да. Но в шахту не спеши.
 — Почему?
 — А очень просто.
 Мало практики одной.
 Без учебы нету роста.
 К ней нельзя вставать спиной.
 Коль отстанешь — будет поздно.
 Век живи — и век учись.
 ...Было ясно и морозно,
 Дым из труб струился ввысь.
 Серебрился бор. И солнце,
 Завершая краткий путь,
 В каждый дом, во все оконца
 Норовило заглянуть.
 Весь в сиянии снежной пены,
 Как хорош он, мир земной,
 После первой пробной смены
 В темных недрах, под землей!
 На сугроб, как на перину,
 Так и хочется прилечь,
 Отдохнуть, расправить спину,
 Будто тяжесть сбросить с плеч...

В библиотеке, в светлом зале
 Шахтеры книги выбирали.

Подумать можно — здесь у полок,
 Где книг — во век не перечтешь,
 Собрался нынче весь поселок —
 И старики, и молодежь.
 От самой двери полукругом
 Стоят,

беседуют друг с другом.
 И так отрадно Николаю,
 Что все знакомы. Свой народ.
 Один приветливо кивает,
 Другой подходит, руку жмет.
 Вот этот рос на Украине,
 А лучший друг Петрова ныне.
 Иван Мовчан — зовут парнишку.
 Спокойный увалень. Добряк.
 — Микола, бач, якую книжку
 Я взял.

— Какую?

— «Сталь и шлак».
 Читали хлопцы — хвалят дюже.
 Здесь гарных книг богато, друже...
 Ушел Мовчан.

Петров с досадой
 Подумал: «Мало я читал».
 Что попросить, что выбрать надо,
 Придя сюда, он сам не знал.
 Уже и очередь подходит...
 Он с книжных полок глаз не сводит.
 Найти бы что-нибудь заране...
 Читает: «Шолохов», «Манас»,
 «Поэмы», «Полное собрание»...

— Ваш номер?

— Мой? Я в первый раз.

— Так разрешите паспорт.

— Можно.

А сердце замерло тревожно:
Пред ним за столиком сидела
Такая девушка, с какой
Он хоть куда пошел бы смело,
Как с самой лучшею мечтой.
Давным-давно, казалось, с нею
Встречался он — с мечтой своею.
Все мило в этой незнакомке:
Венок каштановых волос,
Над синью глаз бровей каемки
И даже чуть курносый нос.
Не красотой, а чем-то все же
Впервые всех других дороже...
Открывем этим удивленный,
Краснея, словно от стыда,
Он паспорт в корочке зеленой
Ей протянул.

— Шахтер вы?

— Да!

— Ах, вон вы кто!.. О вас не мало
От брата вашего слыхала.

— А что? — Петров насторожился.
(Что мог сказать Егор о нем?)

Смеется девушка:

— Хвалился...

Да... Называл богатырем!

Досадно стало Николаю:

«Сказал, как уголь я рубаю».

— Не отвлекай, товарищ, Зою!

Ишь, разлюбезничался как! —

Беззлобно молвил за спиною

Какой-то пожилой горняк.

А Николай спросил поспешно:

— Почаще можно к вам? —

— Конечно!

Иная жизнь на новом месте.

Дом — общежитье. А семья —

В ней человек, пожалуй, двести.

И все — ровесники, друзья.

А нелегко им было сразу

(Спроси любого, скажет сам)

Все делать, словно по приказу.

Спать, подниматься — по часам.

И доставалось же вначале

От коменданта!

— Грязь! Опять?!

— Блюститесь... — вслед ему ворчали.

Леняся окурки подобрать.

Теперь у всех вошло в привычку

Быть аккуратными людьми.

Попробуй, брось-ка на пол спичку,

Тотчас же крикнут: — Подними!

Или не вздумай сесть в одежде,

Когда застелена кровать.

Коль безобразнишь ты как прежде —

Тебя не станут укрывать.

Что коллектив — большая сила,
Петрову ясно стало тут...
Откроешь дверь и любо-мило:
Как будто праздника все ждут.
Уютна комната любая.
Вдоль стен — кровати, в центре — стол.
На нем — скатертка голубая.
Пестреет ковриками пол.
Портрет вождя в широкой раме
Меж окон. В окна виден сад:
Березки рядом с тополями
Под снежным инеем стоят.
И с комендантом-инвалидом
(Он без ноги пришел с войны),
Гордясь таким опрятным видом,
Отныне все жильцы дружны.
Пусть обстановка не богата —
По вечерам в дому своем
Приемник слушают ребята,
Читают книжки за столом.
Заглянут старые шахтеры.
— Ну, как живете?

— Лучше всех!

И до отбоя — разговоры,
Веселый гомон, песни, смех.
На горняка иного глядя,
Петров, как все, решал порой:
Какой суровый, строгий дядя!
Не подступись — скала скалой.
А тот как будто косо глянет,
Начнет беседу не спеша —

И с первых слов понятно станет,
Что он — добрейшая душа.
Есть мать — он спросит: — Как, здорова?
Грустишь — узнает, в чем секрет.
Вот так земля — на вид сурова —
Таит в себе тепло и свет!
Скорей, скорей бы стать шахтером!
Вдвоем с Иваном Мовчаном
Петров мечтает... А по шторам
Луна скользит скучным лучом.
Давно все в комнате уснуло.
Лишь только слышен шопот их
Да в изголовии на стуле —
Беспечный бег часов ручных.
— В одну попросимся бригаду...
— Це треба мастеру сказать...
— А мастер наш, видать, что надо.
Ты как считаешь?

— Да, видать...

11

Был соседом у Егора
Ветеран-шахтер.
И любил того шахтера,
Как отца, Егор.
Горняком почти полвека
Проработал он.
«Уголька» старик из штрека
Выдал много тонн.
Все подземные дороги
С другом-обушном,
Молчаливый, хмурый, строгий,

Исходил пешком.
С молотком отбойным всяко
Он мудрил потом.
Все ворчал:—Трясет, чертяка!..
Но решил на том:
— Мне инструмент ваш, ребята,
Шибко по нутру.
Я и с ним еще как надо
Многим нос утру.
И утер бы, может статься.
Подвели года..
Не хотел — пришлось расстаться
С шахтой навсегда..
Жить бы так пенсионеру—
Без хлопот-забот,
Но лишь утро — и по скверу
К шахте он идет.
Отряхнет с усов снежинки,
Сядет в стороне.
— Что, небось, уже поминки
Справили по мне?
Окружат его ребята,
Молодой народ.
— Помирать вам рановато,—
Скажут в свой черед.
Кто протянет папиросы,
Кто кисет ему.
И начнет старик расспросы
В голубом дыму.
Все ль участки нынче в силе?
Есть ли уголек?

Сколь составов погрузили
За недельный срок?
— С механизмами-то ныне
Черт не страшен вам..
Нет цены любой машине,
По его словам.
Все он хвалит, как обнову,
Мол, работай, знай.
— Ну, а что в Корее, к слову?
Как живет Китай?
До гудка, до самой смены
Длится разговор.
...Зал пустеет постепенно.
Вновь один шахтер.
Стукнет тросточкой по полу,
Встрепенется весь.
А пора; пожалуй, в школу.
Засиделся здесь...

* * *

Седой, сутуловатый,
Он входит в светлый класс.
И вновь пред ним ребята
Сидят. Не сводят глаз.
Народ все деревенский,
С полей — почти вчера.
Кто курский, кто смоленский,
Кто с Волги, кто с Днепра.
Следов их нет в помине
На стежках полевых.

В шахтерских куртках ныне
Не различите их.
Они, коль приглядеться—
Герои новых книг.
...А ты батрачил с детства,
Ты прожил жизнь, старик.
Что ж, плохо, хорошо ли—
Трудился ты с душой.
Как мастеру, и в школе
Тебе почет большой.
...На стенах — слева, справа—
Плакаты, чертежи.
Где штрек какой, где лава,
Про все им расскажи.

12

Шахтером стать готовясь,
Петров обжился здесь.
Он, как в живую повесть,
Ушел в учебу весь.
Ему сегодня диво:
Как мог, живя в селе,
Одни леса да нивы
Он видеть на земле.
Изъездил на машинах,
Плугами испахал,
А что в ее глубинах,
Подальше нор мышиных—
Не думал, не гадал.
А под землею клады!
Там жизнь кипит ключом!
Пусть ливни, снегопады—

Там целые бригады
Идут к плечу плечом.
Укроет сумрак нивы,
Затихнет все кругом—
А там грохочут взрывы!
А там светло, как днем!
Всегда — зимой и летом,
Закат или восход—
В подземном царстве этом
Как будто бой идет.
Всегда на изготовке
Машина, бур, топор.
Там человек в спецовке
Работает. Шахтер.
По всем краям далеким
От тех шахтерских рук
Живых лучей потоки
Расходятся вокруг!
На стройку, в поле, к домне
Бегут лучи, бегут!
И где б ты ни был — помни
Подземный славный труд.
Ты в дом вошел с мороза,
Присел у камелька;
Ты в топку паровоза
Подбросил уголька...
И там, в Кремле далеком—
Лишь лампочку включи—
Всю ночь глядят из окон
Твои, шахтер, лучи!

...Душою беспокойной
Петров во все вникал.
Он молоток отбойный
Раз десять разобрал.
Хоть завтра пусть экзамен!
Не заглянув в тетрадь,
С закрытыми глазами
Все части мог собрать...

13

Свиваются дыма волокна.
Мерцает в руке огонек.
Рассвет в синевшие окна
Пробился и лег на порог.
Сегодня же первая смена!
Удачной ли будет она?
...Как будто раздвинулись стены.
И всюду ликует весна.
Где были недавно сугробы —
Как будто ручей зазвенел...
Закончилось время учебы.
И столько нахлынуло дел!
«Сверло, молоток лишь освоено.
Пока я — забойщик. А там...
За то, что попозже — спокоен.
А нынче? Вдруг норму не дам?»
Томит Николая тревога.
Иван — тот давно уж притих.
...И мнится Петрову дорога
В сиянии огней золотых.
Лучатся они над копрами,
Над шахтой, над целой страной.

И видят их там, за морями,
Враги, что грозятся войной.
Не выйдем! Пустая затея!
...А чтобы не вышло — учти —
Ты должен, себя не жалея,
Вперед неустанно итти.
На жизнь по-партийному, зорко,
Как мать говорила, глядеть.
Начав с небольшого пригорка,
В пути высоту одолеть.
Подняться — и в дымке рассвета
Увидеть: уже коммунизм!
А все эти штатихи где-то,
Карабкаясь, катятся вниз.
Так будет! И сами собою
Сжимаются пальцы в кулак.
«Я все тут машины освою.
Какой я иначе горняк!
Как только сумею за смену
Угля больше нормы добыть —
Вступлю в комсомол непременно.
Тогда уж смогу я вступить!
А будет какая загвоздка,
Ребята мне рады помочь».
Погасла в руке папироска.
Кончается долгая ночь.
И было бы радостней вдвое
Начать трудовые дела.
Когда бы негаданно Зоя
«Сейчас в общежитие вошла!

Сбылось желанье Николая:
 Ему доверили забой!
 ...Вот крепость кровли проверяя,
 Он постучал по ней кайлой.
 Ведь мастер их учил недаром —
 Порою, прочная на вид,
 Та кровля гулко под ударом,
 Как выражался он, «бунит».
 А это значит — чуть провисла
 И может рухнуть.

Но сейчас
 Бояться, вроде, нету смысла.
 Удар звенящий. В самый раз.
 Шурша брезентовой шахтеркой,
 К груди забоя подползет.
 «Так. А теперь займусь разборкой».
 И вдруг:

— Ну, как дела, орел?
 (Егор! Заботится, как видно.
 Пойду, взгляну, мол, как он тут?)
 Ответил, кашлянув солидно:
 — Да ничего... Дела идут.
 Брат усмехнулся: «Ох и важен!
 Поговорю-ка с ним всерьез».
 — А сколько думаешь ты скважин
 Здесь пробурить?

— Что за вопрос!
 — Нет, ты ответь!

— Сейчас прикину.—

Сказал спокойно Николай.
 «Здесь... по углам... сюда, в середину...»
 — Двенадцать! Как тут ни считай.
 — Двенадцать? Это почему же?
 — А чтобы лучше был уход.
 И меньше можно — только хуже:
 Угля немного оторвет.
 — Тогда бы делал два десятка.
 — Ну, это явный уж просчет.
 Оно ж не что-нибудь — взрывчатка!
 Вмиг все хозяйство разнесет.
 — Ответил ты, как по тетрадке,
 Учел все, значит, наперед.
 А с инструментом как?

— В порядке.
 Мой инструмент не подведет...
 Давно характер парня зная,
 Решил Егор разжечь огонь.
 Легла на спину Николая
 Его широкая ладонь.
 — Шахтер! Не надо большей чести.
 Нашел ты здесь дорогу в жизнь.
 Теперь по ней итти нам вместе.
 И вместе строить коммунизм.
 ...Ни сил, ни времени не жалко,
 Когда в работу весь уйдешь.
 И началось! Гремит отпалка,
 Подземный мир бросая в дрожь.
 Начнулся воздух. Волны гула
 Прошли и замерли вдали.

Как будто порохом пахнуло
Средь прочной сырости земли.
Лишь вентилятор струйки дыма
Унес невидимым путем—
И сила взрыва стала зрима:
Забой завален был углем.
И вот звенят уже лопаты—
Всех окрылил горячий труд.
Спешат поставить крепь ребята.
И вагонетки к ним бегут.
Шуршит, течет по штреку уголь.
Течет, и путь его далек!
Мовчан под бок толкает друга:
— Пишол! Пишол наш уголек!
«Вот так же рад я был когда-то,—
С восторгом думал Николай,—
Когда в район на элеватор
Мы отправляли урожай.
И все ж не так все это было.
Хоть цель одна, да труд — не тот.
Нет, никакая ныне сила
Меня отсюда не вернет!»
Здесь все — и лампочек мерцанье,
И гром, и скрежет — как в бою.
Здесь он нашел свое призванье,
Свою любовь, судьбу свою!

15

Знала б Зоя, как сегодня
Там, в забос, вырос он!

Даже дышится свободней,
Даже сон теперь не в сон.
Поделиться б этим счастьем
И открыть свои мечты.
С нескрываемым участием
Смотрят звезды с высоты...

* * *

Шел Николай, шел, как хмельной,
По тихой улице ночной.
И вдруг припомнился опять
Далекий дом... Старушка-мать...
Дул ветерок. И звездный рой,
Застыв, мерцал над головой.
А для него одна родная—
На шахте звездочка земная.
Как он хотел бы, чтоб она
В родном селе была видна!

16

И вот уже, ясным-ясна,
Над рудником звенит весна...
Под животворным солнца душем
Идет Петров. А день высок!
А рядом прыгает по лужам
Слепящий солнечный клубок.
Вдали—дымок. Еще мгновенье—
Вблизи красавец-паровоз,
Как вихрь, в стремительном движеньи,
В ритмичной музыке колес.

Тяжелый груз подняв на плечи,
Грохочет угольный состав.
Сама весна ему навстречу
Несется, рельсы распластав.
Гляди, гордись! Ты нынче вправе
Сказать, что Родине помог.
Ведь в том грохочущем составе
И твой сверкает уголек.
Пусть он теплом зовет и манит
В далеком городе, в селе.
Пусть от него светлее станет
На нашей солнечной земле!
Иных наград тебе, признаться,
Не надо. Только лишь одно:
Вот если б Зое догадаться—
Хотя бы выглянуть в окно...

17

...До того это ново,
Так вот — с глазу на глаз,
Что и нужного слова
Не находит сейчас.
Да и девушка тоже
Сразу стала другой:
Смотрит пристальней, строже.
Дескать, вот ты какой!
В полной форме парадной
Он стоял перед ней—
Очень статный и ладный,
Всех знакомых видней.
— Погуляем немножко?

— Можно, — Зоя в ответ.
За оградой в окошко
Лился розовый свет.
Вот скользнул он по крыше
И померк без следа.
А на провод, повыше,
Примостилась звезда...
В эти вешние дали
Шел бы, шел без конца.
Только в лад бы звучали
И шаги, и сердца.
Только б милой дыханье
Ощущать на щеке.
И не знать расставанья
Ни в каком далеке.
Так и шли... А в сторонке,
В чуткой лунной тиши
Голос чистый и звонкий
Выводил от души:
«Ой, цветет калина
В поле у ручья,
Парня молодого
Полюбила я.
Парня полюбила
На свою беду,
Не могу открыться:
Слова не найду».
Шли и слушали вместе.
Даже вечер притих.
Очень славная песня!
И как будто... про них...

Словно белые чайки,
Плыли вдаль облака.
Их веселые стайки
Чуть качала река.
Плеск и свежесть — навстречу,
Шум невидимых крыл...
Молча девичьи плечи
Теплой курткой накрыл.
Там, где летом ромашки
Где шумит краснотал,
В белоснежной рубашке
Над рекою он встал.
Сбоку Зоя прижалась.
Хорошо им. Одни...
В целом мире, казалось
Никого. Лишь они.
И как в песне поется—
За рекой, за горой
Скоро зорька зажжется
Золотистой каймой.
Ветер ночи дремлет
Унесет на восток.
Позовет на работу
Басовитый гудок...
— Зоя! Это такое...
Это... вроде огня!
Ты признайся мне, Зоя,
Любишь, нет ли меня?
Улыбнулась лукаво:
— Эх, какой ты чудной!

Разве ради забавы
Я встречаюсь с тобой...
И опять замолчала,
Руки сжав на груди...
Это только начало!
Все еще впереди!

...Облака на восходе
Загорались вдали.
Пусть же в комнату входит
Утро вешней земли!
Постоял он минуту
И окно распахнул.
Улыбнулся чему-то,
Опустился на стул.
Сердце радостно билось.
Пело! Словно оно
Тоже настезь открылось,
Как большое окно...
В птичьем щебете, гаме
Просыпался рудник.
Громыхая бортами,
Пробежал грузовик.
Солнце в ярком накале
Жгло каемку реки.
Не спеша прошагали
За окном горняки.
Лошадь била копытом.
Ставней стукнул сосед.

Все он сердцем открытым
Принимал, как привет.
А пред мысленным взором,
Как за мутным стеклом —
Дом с тесовым забором,
Тополя над прудом.
Серебристые прядки...
Нежность выцветших глаз...
Все ли дома в порядке?
Там ведь сеют как раз.
...Листик вспыхнул на ветке.
И услышал Петров,
Как стучат вагонетки,
В стороне, у копров.
Слава здешнего края
Всех бодрила с утра:
Бункера наполняя,
Уголь шел на-гора!
Будет мир благодарен.
Будет счастлив народ...
Встал порывисто парень,
Взял перо и блокнот.
В непривычном волнении,
Вновь усевшись за стол,
Написал: «Заявление».
И еще: «В комсомол».

19

Желанный гость в любой квартире,
Лишь письмоносец на порог —

Как будто сразу станет шире
Уютный комнатный мирок.
Кто б знал, как рада мать седая
Когда зайдет он в избу к ней
И улыбнется, подавая
Конверт с письмом от сыновей.
...Опять сегодня утром синим,
Всем расстояньям вопреки,
Она то с тем, то с этим сыном
Вслух говорит, надев очки.
«День добрый, мама!

Сообщаю, —

(Матрена вся настороже)
Большой успех у Николая:
Он впереди других уже.
Идет на лад его работа.
Вчера сказал мне: дескать, верь,
Что не сотрут с Доски почета
Мою фамилию теперь».
Скатилась светлая слезинка
Из-под сухих — в морщинках — век.
Сынок... Родимая кровинка...
И ты — почетный человек!
Добился, значит, мой упрямый.
Дай бог тебе здоровья, сил...
«Всем расскажи об этом, мама», —
В конце письма Егор просил.
И сколько рук потом держало
Листы, исписанные им!..
Савелий крикнул, как бывало,
И заключил: — На том стоим!

Мы и врагам умеем всыпать,
И погрудиться. Знает всяк.
А за братьев не грех бы выпить.
Ведь наши парни как-никак...
Носков — он тут же был, в конторе —
Расхохотался:

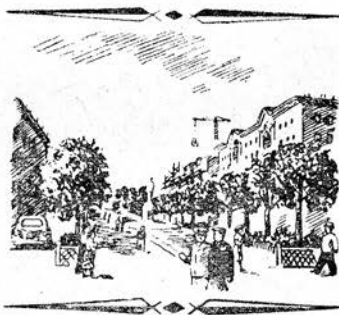
— Ну и плут!
Найти бы повод — радость, горе —
Наш дед со стопкой тут как тут.
Я так, товарищи, считаю:
Пусть выпьет дед один пока.
А мы напишем Николаю
Письмо. Поздравим паренька.
Не забывать о нас попросим.
Растет, мол, твой колхоз родной.
Глядишь — зайвится под осень
Героем знатным, со звездой.
Недаром рвался он к Егору.
Дорога, знать, у них одна.
Теперь пойдет наш Коля в гору...

А за окном — простор, весна...
Раскинув синее раздолье,
Весна звала: твори, дерзай!
Подземным гулом, песней в поле
Встречал зарю кузнецкий край.

1949—1953

Мы за мир

НА ГРАНИЦЕ

В каждом малом оконце
Вспыхнув алой звездой,
Поднимается солнце
Над Курильской грядой.
Поднимается снова,
Как и сутки назад...
На штыке часового
Блики солнца горят.
Наш товарищ далекий...
Самым первым из нас
Новый день на Востоке
Он встречает сейчас.
В этот день у пригорна,
Там, где след его свеж,
Он особенно зорко
Смотрит вдаль, за рубеж.
Пусть граница все та же,
Та же в небе заря—
В этот день он на страже
Всех побед Октября!

Пусть далеко до дому,
До родной стороны,
Но видны часовому
Все просторы страны.
То, что любит глубоко,
С чем сроднился душой,
Видит он издалека,
Будто рядом с собой —
Всю родную державу,
Всю — на тысячи верст...
Видит Кремль величавый,
Свет рубиновых звезд.
Будто сам с москвичами
Он идет по Москве,
Озаренный лучами,
Что горят в синеве.
Полыхают знамена
Над людскою рекой...
И огни Волго-Дона
Видит наш часовой.
Пусть он не был ни разу
У донских берегов;
Не гулял по Кавказу
Среди гор-ледников;
Пусть не видел воочью,
Как над синей Невой
Тихой белою ночью
Клены шепчут листвою;
Пусть не видел, как хлопок
Серебрится в полях;

Пусть не мерз он в окопах
В сталинградских степях, —
Как бы ни было, все же
Там, вдали, для него.
Ничего нет дороже,
Нет милей ничего.
Нет дороже, чем эта
Дорогая земля:
Горы в дымке рассвета,
Перелески, поля,
Где не грохот орудий —
Созидательный труд,
Где свободные люди
Ради мира живут,
Где встречаются реки
И цветут города...
Это счастье — навеки!
Эта жизнь — навсегда!
Молча, с думой привычной
Об Отчизне своей
Смотрит вдали пограничник,
В даль бескрайних морей.
Он стоит, ощущая,
Как, вспорхнув вдалеке,
Ветерок из Китая
Льнет, ласкаясь, к щеке.
Все светлее и выше
Солнце в небе над ним.
Голос Родины слыша
Сердцем чутким своим,

Он как будто впервые
Понял мир тишины:
До сих пор часовые
В этом мире нужны...
Знает он, что банкиры
Вновь готовят убийц,
Что шакалы в мундирах
Рыщут возле границ.
Не спокойна планета.
Ждет полета свинец...
И на Западе где-то
Смотрит вдаль наш боец.
И быть может, обоим
Виден полдень Земли,
Где надежным покоем
Дышат сопки вдали,
Где не будет сомненья —
Пень иль враг впереди,
Где в любое селенье,
Как товарищ, входи.
А пока еще крови
Жаждают наши враги —
Будь, солдат, наготове,
Зорко Мир стереги!

1952, 7 ноября

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Миролюбивые мы люди.
Нам дорог каждый мирный час.
В чехлах у нас стволы орудий.
Снаряды в ящиках у нас.

Нет, наша мощь — не для показа.
И просто так, средь бела дня
Ни по кому еще ни разу
Не открывали мы огня.

Нигде колеса наших пушек
Не подминали детских тел.
Над кровлей мирных деревушек
Нигде снаряд наш не свистел.

Еще ни разу не бывало,
Известно каждому из нас,
Чтоб на кого-нибудь напала
Россия наша в мирный час.

Но кто в наш дом с мечом ворвется —
Не поздоровится тому.

Мы — от бойца до полководца —
Верны народу своему.

Так Бонапарт бежал бесславно
От храбрых русских пушкарей.
Так было с Гитлером недавно.
Его судьба еще страшней.

Во имя мира, жизни ради
Мы посылали свой металл
На тех, кто в нашем Сталинграде
Дома и школы разрушал.

Мы под Москвою были люты,
Из пушек били для того,
Чтобы звучали в ней салюты,
Как нашей правды торжество.

Огонь под Курском был неистов.
Разила недругов шрапнель,
Чтобы для нас — не для фашистов —
Там соловьев звенела трель.

Мы говорили: Не позволим
Вот здесь хозяйничать врагу,
Распоряжаться русским полем,
Жить на советском берегу!

Все — наше. Кровное, родное...
Снаряд ложился на ладонь
И снова в грохоте и вое
Комбат кричал: Огонь! Огонь!..

Дошли с победой мы до Шпрее
Под гул советских батарей,
Круша окопы и траншеи
С мечтой о счастье мирных дней.

Не смерть немецкому народу
Гром наших пушек нес тогда,
А избавленье и свободу
Вперед на долгие года...

Одну дорогу в жизни выбрав —
Дорогу мира, мы, меж тем,
Храним орудья всех калибров,
Всех новых марок и систем.

Но знают все простые люди:
Нам дорог каждый мирный час,
В чехлах у нас стволы орудий,
Снаряды в ящиках у нас.

1952

СОЛДАТ МИРА

Мечтал, как многие ребята,
Он в артиллерию попасть.
Порой сентябрьской, в час заката
Колхозный парень прибыл в часть.

В дороге был он новобранцем—
И вот боец уже, солдат...
Стволы орудий тусклым глянецом
На мирном стрельбище блестят.

— Впервые вижу эту штуку,—
Сказал он другу своему.
И понял — сложную науку
Постичь придется здесь ему.

Как возле трактора когда-то,
Он у орудия стоял.
Вдали полоской розовой
Осенний вечер догорал...

В дыму участок полигона:
Идет учеба у солдат.

Снежинок блески на погонах,
Как будто звездочки, лежат.

Взгляни на Клима Иванова:
Он стал заправским пушкарем,
Сегодня увальня бывшего
Едва ль земляк узнал бы в нем.

В лице, в движениях, в походке—
Во всем теперь другая стать.
От точной климовой наводки
Любым врагам не сдобровать!

Приникнет глазом к панораме,
Покрутит ручку—взят прицел!..
Но не военными делами
Он заниматься бы хотел.

И здесь ночами парню снится
Тот мир, что дорог стал навек:
Сады, высокая пшеница...
В душе он—мирный человек.

Артиллериста Иванова
Частенько хвалит командир...
Не знаем мы пути иного,
Всегда, везде стоим за мир!

СЛОВО ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налетом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.

Отец молчит. А мать все плачет.
Видать, обоим тяжело.
Я думал: «Что все это значит?
Какое горе в дом вошло?»

Мужчин в селе не стало вскоре.
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.

И это горе в полной силе—
Хоть мир, как прежде, был хорош—
Мы, даже дети, ощутили,
Когда поспела в поле рожь.

В правленьи говор:
— Жать пора бы...
— А жать и некому почти.

— Лишь старики одни да бабы...
— Ох, нелегко дела вести!

Я огорчался, помню, очень,
Обидно было мне до слез,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.

А рожь-то, рожь — до горизонта.
Не видно края полосе...
— Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберем! — решили все.

Нашлись дела и нам, ребятам,—
Колосья с поля убирать.
...Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.

С тех пор, как Гитлера разбили,
Воды не мало утекло.
Опять в колхозе — изобилье.
В садах, в огнях мое село.

Все есть у нас. Живется славно...
Мечтаем, учимся, творим.
Я комбайнером стал недавно
И говорят, что неплохим.

Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.

Доволен я!

Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.

Опять грозят нам «мертвой хваткой».
Опять враги подняли вой.
Хотят, чтоб стала мать солдаткой,
А может статься и вдовой;

Чтоб самолеты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы
Сверкали в нашей стороне;

Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб все, что любим мы на свете,
Под пеплом сгнуло навек.

Подумать лишь — враги мечтают
Союз Советский покорить!
Уж диверсантов обучают
По-русски «чай пить» говорить...

Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться никогда!
Мы все — от мала до велика —
На страже мира и труда.

1952

В НОВОГОДнюю НОЧЬ

Сойдясь за праздничным столом
У отчего порога,
Всегда жалеем мы о том,
Что тесен дом немного,

Что всех друзей, какие есть,
С кем год минувший прожит
И с кем за стол хотели б сесть,
Наш дом вместить не может.

Но как бы ни было, а все ж
Гостей пришло немало.
И елка есть, и стол хорош —
Неплохо для начала.

Еще одно, мой друг, учти,
Скажу об этом сразу:
Здесь все профессии почти,
Как будто по заказу...

Пока в передней шум не стих,
Покамест суд да дело.

Мы тосты всех гостей своих
Представить можем смело.

Не по заслугам и чинам
Дадим мы тосты эти,
А по тому, кто ближе к нам,
Видней при ярком свете...

Вот, детворою окружен,
Шахтер в мундире новом.
К нам обратиться может он
С таким застольным словом:

— К речам, к торжественным словам
Шахтеры не привыкли.
Я прочитал бы лучше вам
Две лекции о цикле.

Я не любитель громких фраз
И лишних разговоров.
Я просто выпью за Кузбасс,
За гвардию шахтеров!

...Вот сталевар. Как будто вдаль
Глядит, глаза прищуря.
Есть что-то крепкое, как сталь,
Во всей его фигуре.

Он скажет:—Я мечтой горю,
Мы все ее разделим:
Чтоб сталь, которую варю,
Служила мирным целям!

...А вот колхозник. Щеки, лоб
Еще в следах загара.
— Согласен,—скажет хлебороб—
С желаньем сталевара.

И думкой нашего села
Хочу я поделиться:
Чтоб в здешнем крае зацвела
Ветвистая пшеница!

...Вот всем известный садовод
С какими-то кульками.
Он вазу с фруктами возьмет,
Поднимет перед нами

И скажет:—Крымский виноград
Пока мы дарим детям...
Я пью за наш, кузнецкий сад,
Где будут фрукты эти!

...Вот с новой книжкою в руках—
Прочнее нет союза!—
Седая женщина в очках,
Преподаватель вуза.

И тост ее — предвижу я—
Всех книжек будет краше:
— За нашу молодость, друзья!
За будущее наше!

...А вот мужчина, полный сил.
Кто это? Угадай-ка.

Войдя, он вежливо спросил,
Здорова ли хозяйка.

Потом спросил про детвору
И нету сквозняка ли...
Он скажет, хмурясь на игру
Веселых струй в бокале:

— Я пью, вино считая злом,
С условием, признаться:
За... хирургическим столом
Со мною не встречаться!

Гостей все больше. Полон дом.
Минуты мчатся споро.
Едва ли всех мы обойдем—
Уже двенадцать скоро.

Кого-кого здесь только нет!
Живая кинолента.
...А вот вошел земляк-поэт,
Раскланиваясь с кем-то.

Как он к стихам своим ни строг,
А рад о новом годе
Хотя б десяток новых строк
Прочеть при всем народе...

Вот входит мастер часовой,
Танцор неутомимый.
Он свяжет тост застольный свой
С профессиональной любимой:

— Часы у нас — не для красоты.
Горжусь, поймете сами:
Сверяет мир свои часы
С Кремлевскими часами!
...Пора, пожалуй, друг, и нам
К столу. Уж все готово.
Жаль, что не всем еще гостям
Успели дать мы слово.
Но стрелки сходятся... Сошлись!
Бьет полночь. С Новым годом!
И все сердца на миг слились
В одно — со всем народом...

1952, 31 декабря

СОВЕТСКАЯ УЛИЦА

Где ты, радость детская—
Домик в три окна?
Улица Советская...
Ранняя весна...

Редкие прохожие.
Город точно спит.
Тишина встревожена
Цокотом копыт.

У крылечка — лужица,
Яркий блеск лучей.
В небе вьется-кружится
Стая голубей...

Много ль дней—припомни-ка—
С той поры прошло?
Нету больше домика.
А в душе светло:

Пусть он, став преданием,
Вспомнится не раз—

Новым прочным зданиям
Радуюсь сейчас.

Стройные, высокие—
Вот они, смотри!—
Встали светлокие
В золоте зари.

С башнями, балконами
Вдоль прямых аллей
Высятся над кронами
Рослых тополей.

Поглядишь — захочется
Долго-долго жить.
Стих во славу зодчества,
Песню ли сложить.

Знать бы слово веское,
Строчку — как струна...
Улица Советская
Далеко видна.

Шумно оживленная,
Празднично светла,
То она—зеленая,
То — белым-бела.

Все пути начальные
И мечты людей,
Все дороги дальние
Сходятся на ней.

Все тут сердце радует.
В ранний тихий час
«С добрым утром!» — радио
Поздравляет нас.

Школьники тбилиссские,
Чабаны Карпат,
Как с друзьями близкими,
С нами говорят.

Алою полоскою
Горизонт обвит...
Музыка московская
В рупорах звучит.

Мы идем по улице,
Зная наперед:
Все что хочешь — сбудется!
Новый день нас ждет!

Ждут цеха просторные,
Строек ждут леса,
Мирные моторные
Песни-голоса.

Самолет за облаком
Пролетел — и стих...
Как мы свыклись с обликом
Городов родных!

Цепь огней, нанизанных
На ряды столбов,

Флаги над карнизами,
Грохот поездов...

Но и в снежной замети
И в июльский зной
Нам, по старой памяти,
Кажется порой,

Что в Москве шагаем мы,
Все вновинку вдруг.
Так неузнаваемо
Стало все вокруг.

И вчера, сегодня ли
Рады от души:
Наши руки подняли
Эти этажи.

И в Москве, в Донбассе ли
Знают, не таю —
Это мы украсили
Улицу свою.

Пусть цветет-красуется!
Каждый дом хорош!
По Советской улице
Далеко уйдешь...

1952

Любимый
Край

В ДОРОГЕ

Гляжу в окно вагона
На ясный летний день.
Бежит с вагоном рядом
Его живая тень:

То вскочит на пригорок,
То спрыгнет под откос
Под тихий посвист ветра
И бойкий стук колес...

В который раз я еду
По родине своей!
В который раз я вижу
Простор родных полей!

И снова, как бывало,
Как будто в первый раз
Все сердце мне волнует,
Все радует мой глаз.

Дымок от паровоза,
Как снег январский бел,

Легко, неторопливо
Над полем пролетел.

Растаял над цветами,
Над сочной травой...
Огромный одуванчик
Напомнил он собой...

От бабочек-капустниц
Белым-бело вокруг...
И кажется: ромашки
Взлетели с поля вдруг...

Все дальше, дальше, дальше
Несется поезд наш...
И вот перед глазами
Иной уже пейзаж:

Кружатся сосны, ели —
Шумящий хоровод.
Вот солнышко блеснуло
В ручье лесном. А вот

В тени густой — осока
На кочках меж кустов,
Как скопище зеленых
Взъерошенных голов...

А вот у переезда
Мелькает алый цвет —
То галстуки алеют,
Ребята машут вслед...

Не знаю, как другие,
А я не утаю:
Люблю я все живое
В моем родном краю!

1952

НА ПОБЫВКЕ

А вот и он — родной поселок!
Дымки из труб. Тайга кругом.
На старом месте между елок
Стоит с тесовой крышей дом.

Глядят окошки в полудреме
На двор, на тропку от крыльца...
Совсем недавно был он в доме
Помощник главный у отца.

И от волнения неровно
Забилось сердце...

Вспомнил вдруг

И как пилили эти бревна,
И как срубали каждый сук.

Любые выдержит придирки—
Добротный дом! На долгий срок...
Легонько ленты бесхозырки
Кольшет хвойный ветерок.

И перемены видеть любо:
Шоссе прямое, как стрела,
Большую школу возле клуба—
Дворец из камня и стекла...

Под вечер — шумное застолье.
Знакомцы старые, родня.
— Кажись, вчера учился в школе...
— Да... подрастает ребятня.

Отец вино разлил неспешно.
Меньшому подал — в первый раз:
— За мир, сынок?
— За мир, конечно.
— Ну, стало быть, за всех за нас!

Мать все никак не верит встрече:
Ведь уезжал птенец-птенцом.
А тут гляди — и рост, и плечи—
Во всем сравнялся сын с отцом.

Видать, неплохо Петю кормят:
Крепыш. Лицо горит огнем.
А разодет-то как: по форме.
Все как с иголки на нем.

И говорит теперь занятно:
Фок-мачты, реи, паруса...
Пусть непонятно,
да приятно
Узнать про эти чудеса.

Одно у старой на примете:
Ученым стал ее сынок.
...А гость проснулся на рассвете
И — поскорее за порог.

Зовут к себе места родные,
В каких краях ты ни живи.
Здесь подрастал он, здесь впервые
Признался девушке в любви.

У той сосны, в зеленой шубке,
Они встречались... Так и есть —
Еще видны на ней зарубки,
Из прошлых дней живая весть.

Немного их. Всего четыре.
Но дорог сердцу след ножа...
Как все привычно в этом мире:
Туман над речкой, взлет стрижа.

Здесь каждый кустик что-то значил.
Он каждый камень здесь любил.
Вон там купался, там рыбачил,
А там вон с кедра шишки бил.

Прильнет к стволу и быстро, ловко
К верхушке самой — босиком...
Да, пригодилась та сноровка,
Недаром стал он моряком.

И вместе с грустью о прошедшем
Иная грусть уже близка —

О шуме волн в краю нездешнем,
О тихом шорохе песка.

Журчит — огромная когда-то! —
Речушка в космах камышей.
Другим теперь, другим ребятам
Купаться в ней, ловить ершей.

Им наблюдать, как ветви в заводь
Тальник склоняет.

А ему...

Ему в морях далеких плавать,
Служить народу своему.

И днем и ночью быть на страже,
Встречая грудью шторм и шквал,
Чтоб ни один осколок вражий
На нашу землю не упал.

1952

* * *

Новый день! Он будет долог,
Жаркий летний день...
Над рекой — тумана полог,
Свежей ночи тень.

За рекой, за кромкой леса
Красный шар встает.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.

Выплыл остров перед взором,
Все видней вокруг.
Славят утро звонким хором
Голоса пичуг.

Наливаясь жарким блеском,
Дремлет Томь-река,
Равнодушна к рыбьим всплескам,
К ласке ветерка.

Хорошо по водной шири
На плоту скользить!

Как же можно в этом мире
Равнодушным быть?

Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.

Далеко летит над нею
Пересвист и звон...
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблен.

В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,
В величавое теченье
Голубой реки,

В чей-то голос в тихой роще,
В солнце, в птичий грай,
А сказать точней и проще:
В свой родимый край.

В КЛУБЕ

Летит с черемух цвет душистый,
Бездонной синью манит высь.
...Сегодня местные артисты
В колхозном клубе собрались.

Большой концерт — показ талантов —
Опять готовит молодежь.
Певцов, танцоров, музыкантов —
Кого здесь только ни найдешь!

И вот — начало репетиций.
Все умолкает. Тишина.
На сцене юная певица,
Доярка Вера Кузьмина.

Платочек комкает в волнении,
Глядит тревожно на подруг:
Ей показалось на мгновение,
Что все слова забыла вдруг.

Но память тотчас подсказала
Дорогу, всадника на ней.

И нет ни стен уже, ни зала —
А только ширь, простор полей.

Как будто силою волшебной
Устремлена она в полет.
Поет легко и задушевно,
О казаке лихом поет.

...Звучала мощная кантата
Во славу мира и вождя.
Плясали «русскую» ребята,
С азартом, пола не щадя.

А Вера ждет: вот-вот на сцену
Сам Ленский выйдет в свой черед,
Тот самый, славный и бесценный,
Чье пенье за сердце берет.

Берет! И дело тут, конечно,
Не в том, что парень даровит, —
Шофер ей дорог бесконечно,
Когда он даже и молчит...

«Приди...» Одно лишь это слово
Рождает музыку в груди.
Она поверить вновь готова,
Что он ее зовет: «Приди!»

И снова клуб как будто вымер.
...Скорей настал бы этот миг,
Когда — как Оленьке Владимир —
Он все ей скажет напрямик.

А нет — ну что ж. Обидно Вере:
Пускай бы вовсе не любил,
Так хоть бы раз, по крайней мере,
Домой из клуба проводил.

Ему с другими интересней...
Не знает он, как ей самой
Близки слова любимой песни:
«Но ты и дорог мне такой».

1952

ВСТРЕЧА

Перед шахтерами со сцены
Поэт стихи свои читал.
Как будто гром ударил в стены,
Когда в ладоши грянул зал.

И думал юноша в смущеньи:
Затем ли он пришел сюда?
Обычной данью уваженья
Хлопки бывают иногда...

Нет, он хотел совсем иного.
Хотел бы он спросить сейчас:
«Дошло ль мое простое слово
До сердца каждого из вас?..»

Но вечер кончен. На прощанье
Комсорг поднес ему букет.
И вдруг привлек его вниманье
Один шахтер преклонных лет.

Глядел он с доброю усмешкой,
Как бы желая тем сказать:
Не уходи от нас, помешкай,
Хочу с тобой потолковать...

С таких вот слов и в самом деле
Он начал этот разговор.
— Признаться, за душу задели
Твои стихи, — сказал шахтер.

И плечи юноша расправил:
«Нашел признанье! Вот оно!»
Но, помолчав,

шахтер добавил:
— Не все. Точней сказать — одно:

Где — про любовь к родному краю,
Про то, что чувствую я сам.
Вот это стих — я понимаю!
Лежит душа к таким стихам.

Видать, писал ты с чувством, с толком
Не хладнокровно, а любя.
«Вставало солнце над поселком...»
Забыл я, как там у тебя?..

«Звон голосов и птичье пенье...»
Вот жаль, не помню наизусть.
Но знаю, в том стихотвореньи
Вся жизнь — и радость есть, и грусть.

А там, где в общем все, наружно, —
Пришел, увидел, победил, —
Таких вещей писать не нужно,
Не стоит просто тратить сил.

Ведь как случается порою?
Читаешь: уголь, уголек,
А места главному герою —
Одна строфа на сорок строк.

Гляди, дружок, подальше штрека,
Комбайн — машина как-никак.
Ты покажи нам

человека,
Пускай живет в стихах горняк!

Ведь он не только уголь рубит,
Не только смотрит в чертежи —
Он все живое в мире любит.
Об этом песню ты сложи!

...Смущен поэт. Шахтер увидел,
Сказал задумчиво, смягчась:
— Прошу прощенья, коль обидел.
Дела-то общие у нас.

Давно, признаться, мне охота
Сдружить поэта с горняком.
Люблю я, брат, когда работа —
С душой, с любовью, с огоньком!

В БОРУ

...Баянист выходит на площадку,
Глядя вдаль, на солнце за рекой.
И свисток — команда на зарядку —
Нарушает утренний покой.

Не орудий мощные раскаты —
Мирный звук вас будит поутру.
Зашумели, ожили палаты,
Голоса слышались в бору.

...Чуть в сторонке мяч взлетел над сеткой.
У ребят такой азартный вид,
Что сосна и та колючей веткой
По мячу ударить норовит.

Ветерок прохладный гладит щеки.
Шум с реки летит во все концы.
Там, внизу, на самом солнцепеке,
Мнут песок веселые пловцы.

Вот они столкнули с пляжа лодку.
Заплескались весла... День хорош!

Теребя с улыбкою бородку,
Старичок глядит на молодежь.

Он бы сам до нитки с ними вымок,
Только б стать моложе да резвей.
И, наверно, вспомнил старый химик
О далекой юности своей...

...Догорает солнца луч прощальный,
Тают в небе хлопья облаков.
Ловит слух с площадки танцевальной
Шелест платьев, шорох каблуков.

Но замрут мелодии баяна,
Отзвучат в палате голоса...
От луны в окно ковром багряным
Ляжет на пол света полоса.

Ночь. Покой. Восток уже светлеет.
До утра уснуло все кругом.
Только сторож ходит по аллеям
С ружьем привычным за плечом.

1952

МАТЬ

За окном еще темно.
День еще не скоро.
Но не спят уже давно
В доме у шахтера.

В первый раз за много лет
Не до сна старухе.
Ходит-бродит, встав чуть свет.
И молчит. Не в духе.

Подступиться нету сил.
Трудно подступиться.
— Что с тобою? — муж спросил. —
Что тебе не спится?

Ты бы, Ньюша, прилегла.
Может, нездорова?
Вроде, только и ждала
Ласкового слова.

Если б строго что сказал —
Вновь бы промолчала,

Не сдержалась, лишь назвал
Нюшей, как бывало.

Тут и волю дать слезам —
Столько в сердце боли...
— Посуди ты, Ваня, сам.
Не обидно, что ли?

Хоть бы дочка, хоть бы сын —
Никого не видно.
Не приехал... ни один...
Разве не обидно?

И прикила вдруг плечом,
Как ребенок малый.
— Вон, выходит, ты о чем!
Так бы и сказала.

Стал шутить шахтер, смеясь:
— Я ж подумал было:
Разводиться собралась,
Мужа разлюбила.

Мол, готовит мне удар.
Потеряла жалость...
Вот что — ставь-ка самовар,
Потолкуем малость...

Продолжают разговор
Мирно и любовно.
— Очень узкий кругозор
У тебя, Петровна.

Понапрасну в день такой
Развела ты слякоть.
Не пристало нам с тобой
Горевать да плакать.

А жена из-за стола
Говорит несмело:
— Наварила, напекла.
Угостить хотела...

Пачку писем, телеграмм
Разложил пред нею.
— Не приехали. Я сам,
Сам о том жалею!

Но давай-ка поглядим,
Что тут говорится.
Есть ли нынче время им
В гости отлучиться...

Молча слушала жена.
Чай пила, вздыхала.
Наизусть почти она
Эти письма знала.

Дети... Где они теперь?
Собрались бы вместе...
Старший, Коля, инженер—
Где-то в Туле, в тресте.

Средний, Степа, капитан—
На Цимлянском море.

Все далеко. Путь им дан
На большом просторе.

Дочь, единственная дочь,
Пишет из Ростова.
Улетела тоже прочь
От гнезда родного.

Саша, младшенький, и тот
Хочет стать поэтом,
Из Москвы открытки шлет
И стихи при этом...

Письма бережно убрав,
Муж сказал: — Как видишь,
Нет у нас с тобою прав
Быть на них в обиде.

У детей — свои дела.
Брось на них сердиться!
Ну, а то, что напекла,—
Праздник! — пригодится...

Поднималось солнце ввось,
Золотя просторы.
В полдень гости собрались
В доме у шахтера.

Рюмки чокались, звеня.
Радость в каждом тосте.
Словно дружная родня
Были эти гости.

И Петровна, как всегда,
Снова улыбалась.
От печали и следа
В сердце не осталось.

Любо тост поднять и ей,
Старенькой и скромной,
За сынов и дочерей
Всей страны огромной.

1952, август

ПРАЗДНИК

В окна солнце весеннее льется.
Мать читает. А мальчик трех лет
Смотрит в улицу, ждет не дождется,
Скоро папа вернется иль нет?

Принесет он гостинцы от «зайки»...
И решает малыш наперед,
Что сестренке — печенье и сайки,
А себе он конфеты возьмет.

Только папы все нету и нету.
Покосился на прибранный стол.
Лучше с вазочки взять бы конфету...
Вдруг — шаги. Наконец-то, пришел!

Слез со стула и мигом — к порогу,
Обгоняя сестренку и мать.
Ну и «зайка» же! Как он помногу
Стал гостинцев всегда присылать!

О поэзии
и прочем..

БАЛЛАДА О РОТОЗЕЯХ

Ввалился дядя в кабинет
К начальству райпрофкома.
Представься кратко: — «Я поэт»,
Расселся, словно дома.

На вид — уже немолодой.
В очках. В богатой шубе.
— Прощу помочь мне вечер мой
Устроить в местном клубе.

Моя фамилия Степняк.
Степняк — не Исаковский,
Но все же... Все же как-никак
И я — поэт московский.

— Да, был такой как будто встарь...
Про вас не слышал что-то...
— А вы возьмите календарь.
Там есть моя работа.

Хоть не шедевр, но все прочтут.
Удачная баллада!

И предрайкома понял тут:
«Читать мне больше надо.

Про Исаковского слышал,
Твардовского я знаю.
А Степняка вот не читал...
Однако не сплюшаю!»

— Припоминаю... В «Огоньке»
Как будто что-то было?
— Вот-вот! Статья о Степняке.
Статья меня хвалила...

Уверен я — на вечер мой
Соседи к вам прикатят.
Ну... И еще вопрос такой:
Надеюсь, мне заплатят?

Я к вам с налету, так сказать,
Но я могу, конечно,
Все документы показать. —
Добавил гость беспечно.

А пред раздумывал: «Ну, что ж,
Конечно, он покажет...
А после скажет: да, хорош...
Культурник тоже, — скажет.

Меня же все наверняка
Осудят в каждом доме:
Не знает, дескать, Степняка.
Профан сидит в профкоме.

Мол, документы попросил.
Придумал же, скажите!»
Он гостя за руку схватил:
— Не надо! Не ищите!

* * *

Едва растаял ночи мрак,
Порозовели дали,
«Поэт Степняк!» —

«Поэт Степняк!» —
Афиши крик подняли.

Еще все улицы тихи,
Зарей облиты крыши.
«Баллады, песни и стихи!» —
Кричат со стен афиши.

Нарушив утренний покой,
Все жители гадали:
— Степняк?
— Откуда?

— Кто такой?
— И слухом не слыхали...

* * *

И вот на сцене сам Степняк.
Читает тексты песен...
И воскресает Железняк,
Который всем известен...

Смуглянка манит красотой...
Цветет над речкой груша...
Выходит на берег крутой
Любимая Катюша...

И предрайкома тоже здесь.
Загадка — хоть ты тресни:
Как мог забыты.. Профан и есть...
Знакомые же песни!

Листал он дома календарь.
Но Степняка — ни строчки.
Наверно, там, где был январь...
Найти бы те листочки!

Мы знаем: не было и там.
В киоске нет, в музее...
Степняк привык к другим местам:
Он там, где... розозен.

1953

ДВУЛИЧНЫИ

— Возьмите трубку, Петр Иванович,
Козлов звонит. На пару слов...
— Чего он вздумал, глядя на ночь!
Алло! Ну, что тебе, Козлов?

Не бормочи! Небось, ворона,
Опять с трехтонкой ералаш!
Откуда? Только из вагона?
С какой проверкой? Что за блажь!

Что? Что? «Потише»? Это ново.
Вот грубиян-то! Осмелел.
Тебя не знаю я — Козлова?
Шутить со мной! Да как ты смел!

Скажи, пожалуйста, «Потише!»
Еще не знаете меня!»
Да ты с какой свалился крыши?
Напился, что ли, размазня?

Ах ты, торговая козявка!
Съязвил... Чурбан без головы...

Не тот Козлов? Другой?

Из Главка?!

Как вы сказали — из Москвы?!!

Простите.... Тут заготовитель...
Козлов... Я думал — он... А вас
Не знал... Машину не хотите ль?
Сию минуточку! Сейчас!

Пропал я. Все теперь. Могила...
Эй, секретарша! Где ты там?
Ты с кем меня соединила?!!
Ну, погодите! Я вам дам!..

1953

ОРИГИНАЛЬНАЯ УТКА

(Басня)

Представьте: камень брошен в пруд...
Вмиг по воде круги пойдут.
Был случай. Так же вот, примерно.
Заволновалась птицеферма.
Причиной случая того
Одна Крякуша оказалась...
Она с рождения своего
Сама собою увлекалась.
Вот как-то поутру,
Все в том же странном увлеченьи,
Она пройтись решила по двору
В необычайном облаченьи.
(«Пора уж отличиться мне, пора!
Ну, в добрый путь! Ни пуха, ни пера»)...
Повыщипав свой пух
И даже перья,
Нашла другой наряд... лопух.
— Кряк! Кряк!
Как выгляжу теперь я?

— К чему ты вырядилась так? —
Спросил Крякущу Селезень печально.
И услышал ответ: — Чудак!
Я так теперь оригинальна!
Хоть вы, конечно, мне родня,
Но все же
Ни с кем теперь не спутают меня,
Ни на кого из вас я не похожа.
— Да стала ль ты умней от лопуха? —
Заспорил кто-то с нею.
— Иль, может, яйца сделались
вкуснее?
Все Утки засмеялись: — Чепуха!
...Добро бы — тем и кончилось.
Так нет,
Слышать, Гусак недавно объявился.
Он за Крякушею вослед
Оригинальничать пустился.

Иной поэт не спит ночей.
Таланта нет, но верит чуду:
«Вот извернусь я почудней
И всех приметней тотчас буду!»

1953

Лирика

* * *

Как сказать об этом покороче?
Заглянул в глаза — и как в хмелю.
Синей ночью в звездном многоточьи
Лишь одно мне чудится: люблю.

Сговорилось словно все на свете—
И машины, шинами шурша,
И берез безлиственные ветви
В шуме ветра шепчут: хороша.

Что случилось — сам не понимаю.
Стал весь мир по-новому пригож...
Счастлив я, что ты, моя родная,
На одной земле со мной живешь.

1953

* *
Много в мире прекрасного,
Что сравнится с тобой...
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь порой.

Согреваешь улыбкою,
Невзначай, может быть...
Но не будет ошибкою
Со звездой сравнить.

С той, что слушает клеткоты
Перелетных гостей—
Так порою далеко ты
От дороги моей...

Всей душой своей чуткою
В дни разлуки скорбя,
С полевой незабудкою
Рад сравнить бы тебя.

Посмотрю я — и легче мне,
Тверже, радостней шаг...

Только сравнивать не к чему,
Ты прекрасна и так.

Пусть всегда меня радуют
Солнце, звезды, цветы—
Все же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.

Без тебя я безроднее,
Чем цветков на лугу...
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!

Не пустую небесную
Полюбил я красу,
А земную, телесную—
Всю как есть тебя. Всю!

С каждой складкой на платье
Полюбил навсегда.
Складки завтра же сгладятся,
Образ твой — никогда...

С чем тебя я ни сравнивай,
И о чем я ни пой,
Все, что в мире есть славного;
Все роднится с тобой.

1953

* * *
Высоко на фоне синевы,
(Поглядишь — и шапка с головы)
Над стеною каменщик стоит.
Чуть склонился. Важен. Деловит.
По всему — не первый этот дом
Воздвигает он своим трудом:
До того насмешливо подчас
Смотрит вниз, на каждого из нас.
Дескать, что вам видно там, внизу.
Ничего такого, как в лесу,
Ну, дома, автобусы, людей
Да еще вот груды кирпичей.
То ли дело сверху! Благодать:
Все четыре стороны видать.
Преодо мной — лишь глазом поведу —
Томь-река и шахты на виду,
И поля под снежной пеленой,
И поселок дальний преодо мной...
Может быть, не думает он так,
Все же замедляю легкий шаг.

Не гордись, — хотел бы я сказать, —
Далеко и мне вокруг видать.
Сколько песен, радости в груди!
Знай вперед пошагивай-иди.
Не беда, что где-то я внизу —
В сердце я вселенную несу!..
Если б он заметить это мог...
Но ему, конечно, невдомек,
Что меня любовь, как два крыла,
На седьмое небо подняла...

* * *
Весеннее солнце...
Как щедро оно
Вливается светом
В любое окно!

Снега растопляет
И сушит панель.
О щедрости этой
Бормочет капель.

Дорожная лужа
Со следом саней
Гордится, что солнце
Купается в ней.

Вот снежные глыбы
Заухали с крыш!
Прищурился старец...
Смеется малыш...

А солнце лучится,
Сердца веселя.

Видать, понимает,
Как рада земля...

Пускай ты не знаешь,
Какое тепло
Любви пробужденье
Мне в душу внесло.

Для многих, наверно,
Ты светишь, горишь...
Я рад тебя видеть,
Как солнце — малыш...

* * *

Как всегда бывает при разлуке,
Не находишь в сердце нужных слов.
Жмешь, волнуясь, ласковые руки,
Задержать не в силах ход часов...
В этот миг безмолвного прощанья
Говорит за нас сама любовь.
Что пред ней пустые обещанья?
Верю я, что встретимся мы вновь.
...Я один останусь на перроне,
Дым и стук растают, далеки.
И остынут рельсы, как в ладони
Легкий трепет ласковой руки.
Кто предскажет жизни нашей сроки?..
Но всегда и всюду образ твой
Будет жить со мной.

А эти строки
Пусть лежат опавшей листвою.
Пусть они осеннюю порою
Нас обоих к юности вернут.
И опять мы встретимся с тобою,
Вспомним жизнь за несколько минут.

* * *

Далеко ты, милая, далеко...
Но, как прежде, сердцу ты близка.
Видишь солнце, вставшее с востока?
Это — нежность и моя тоска.

Всякий раз, лишь брызнет луч в оконце
Я ревниво думаю о том,
Что к тебе уходит наше солнце,
Чтоб с приветом заглянуть в твой дом.

И когда лучи его, лаская,
Тихо лягут на твое плечо,
Знай, родная, помни, дорогая:
Это я целую горячо.

Далеко ты. Будто за границей...
Но встает с востока алый свет—
И кружится огненною птицей
Над тобой мой солнечный привет.

* *
* *

Есть стихи, как перезвоны
Серебристого ручья,
Есть, как легкое дыханье—
Ветра вешнего струя;

Есть, как звездочки сиянье,
Как сиреневый закат
Над задумчивой землею,
Там, где неба край покат.

Много есть стихов веселых,
Как вечерние огни.
Знать, в такие вот минуты
И слагаются они!

Но едва ли я сумею
Рассказать тебе сейчас,
Как люблю я все на свете—
Словно вижу в первый раз.

И не спрашивай, не надо—
Отчего да почему.

Лучше выйди, полюбуясь
На закатную кайму.

Пусть лицо твое обвеет
Теплый южный ветерок,
Пусть он сам тебе расскажет
Лучше вышколенных строк,

Как он счастлив, что ласкает
Щеки смуглые твои,
Как, до ночи не смолкая,
О тебе звенят ручьи,

Как похожа ты глазами
На далекую звезду,
Как по людному проспекту
Одиноко я бреду...

* * *
* * *
По земле, закованной в ледок,
По сугробам, рыхлым у дорог,
По горбатым спинам гулких крыш,
Нарушая утреннюю тишь,
Как мальчишка, радостен и смел,
Первый дождь весенний прошумел.
Рады влаге, брызнувшей с небес,
Над рекой застывший темный лес.
Клен у дома с лысой головой
И асфальт, как зеркало, живой...
Дождь прошел. Доволен старый клен:
Сотню бус на ветках держит он!
Даже дым, что вьется над трубой,
В этот миг любуется собой:
В голубой просвет меж облаков
Вьется лентой, слиться с ним готов...
Так и я, как этот сизый дым,
Счастлив сердцем сблизиться

— С ТВОИМ...

1953

* * *
* * *
Наступает зеленое лето.
Распускается роща опять,
Где порою всю ночь до рассвета
Мы любили с тобою гулять.

Сколько тропок мы там исходили —
Только месяц лукавый видал.
Как смеялись, о чем говорили —
Кроме ветра никто не слышал.

По росистым, по лунным полянкам
Наши тени скользили не раз.
И казалось березкам-белянкам,
Что не двое, а четверо нас.

Чуть не с каждой березкой часами
Мы беседовать молча могли.
Эту рощу садили мы сами!
Вместе с нами деревья росли!

И они не забыли, конечно,
Как в охапке держали мы их...

Любо в лиственном шуме беспечном
Узнавать нам питомцев своих...

Скрылся месяц за тучами где-то.
Но светло и в полуночной мгле,
Если сердце любовью согрето
К нашей солнечной русской земле.

1953

* * *

Наш город в обыденном стиле,
Не лучше, не хуже других,
Но с детства мы в нем полюбили
Немало примет дорогих:
Заводы в строю величавом
На левом его берегу,
Холмы терриконов — на правом,
Деревья на каждом шагу...
Алеет зари позолота
За дальнею кромкой лесной...
На месте тайги и болота
Поднялся наш город родной.
Разбужен гудками с рассветом,
Шумит он, как улей большой.
По улице, залитой светом,
Идем мы сегодня с тобой.
Идем мы дорогой одною,
К заре коммунизма идем.
Трудом мы украсим с тобою,
Свой город, свой радостный дом.

1953

* *
*

Гляжу в лицо твое простое,
Что свято вечной красотой:
В нем — жизни счастье молодое,
В нем — образ Родины самой.
Видна в чертах лица простого
России добрая душа:
То лучезарна, то сурова,
Но неизменно хороша!

1949—1953

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Под знаменем партии	3
Любуясь яркою раскраской	5
<i>В родной семье (поэма)</i>	7

Мы за мир

На границе	53
Во имя жизни	57
Солдат мира	60
Слово хлебороба	62
В новогоднюю ночь	65
Советская улица	70

Любимый край

В дороге	77
На побывке	80
Новый день! Он будет долог	84
В клубе	86

Встреча	89
В бору	92
Мать	94
Праздник	99

О ротозеях и прочих...

Баллада о ротозеях	105
Двуличный	109
Оригинальная утка (басня)	111

Лирика

Как сказать об этом покороче	115
Много в мире прекрасного	116
Высоко на фоне синевы	118
Весеннее солнце	120
Как всегда бывает при разлуке	122
Далеко ты, милая, далеко	123
Есть стихи, как перезвоны	124
По земле, закованной в ледок	126
Наступает зеленое лето	127
Наш город в обыденном стиле	129
Гляжу в лицо твое простое	130

Редактор И. Балибалов.
Художник М. Паньков.
Техн. редактор Е. Харлова.
Корректоры В. Рехлови
Н. Филиппов.

* * *

ОП 00379. Подписано к печати 27/VIII-1953 г.
Формат 60×92¹/₃₂. Бум. л. 2,125, печ. л. 4,25
Учетн. авт. 3,87. Учетн. изд. 4,8
Заказ 2591. Тираж 10000.
Цена 3 руб. 15 коп.

* * *

Типография № 1 Облполиграфиздата,
г. Кемерово.